

Эти дни Линь Ляоляо проводила в Зале Нинъань, и жилось ей там весьма привольно.

С детства её приучили всё делать самой, но здесь, благодаря заботам Цзыжоу и двух других старших служанок, её навыки оказались совершенно не востребованы. Стоило ей сонно приоткрыть глаза, как одежда уже была на ней. Не успевала она осознать, что происходит, как в рот ей вливали тёплый чай, оставлявший на губах лёгкий аромат жасмина, который чудесно прояснял мысли.

— Что это за чай? Так вкусно! — воскликнула она.

— Барышня, вы его выпили?! — изумилась Цзыжоу, держа в руках маленькую медную баночку.

Линь Ляоляо сглотнула:

— А что, нельзя?

— Барышня, это же вода для полоскания рта.

— ...

В полдень, в Зале Нинъань.

Старая госпожа Линь подцепила палочками кусочек рыбы и положила в чашку Линь Ляоляо.

— Скажи мне, как ребёнок мог решиться на такое? До чего же нужно было довести человека?

Линь Ляоляо всегда была большой любительницей поесть. Если уж что-то попадалось ей на глаза, оно не могло ускользнуть. Руководствуясь принципом, что оставлять еду — значит проявлять неуважение к предкам и труду крестьян, она вычеркнула слово «остатки» из своего лексикона.

Наевшись досыта, она почувствовала, что живот стал круглым, как барабан, и украдкой чуть ослабила пояс.

— Фу-у-ух, хорошо...

— Посмотрите на мою Цзиньхэ, наелась, как поросёнок, — Старая госпожа Линь вытерла уголки рта внучки шёлковым платком, а затем широкой тёплой ладонью погладила её по спине. — Ну всё, иди поиграй.

— Угу!

— Разве не так? Моя мачеха хотела отправить меня во дворец на отбор невест. Я скорее предпочла бы умереть, чем согласиться. Ночью я тайком набрала таз воды и вскрыла вены. Если бы ты не нашла меня вовремя, я бы уже была мертва. Откуда бы взялось всё то, что есть сейчас? Но я тогда тяжело заболела, и отец больше не смел меня принуждать. Можно сказать, я избежала беды. А вот ты...

— А что я?

Линь Ляоляо уже отошла было, но вдруг вспомнила, что оставила накидку в комнате, и повернула назад. Кто же знал, что, подойдя к двери, она услышит голоса внутри?

Это был голос Старой госпожи Линь — совсем не такой, как обычно. В каждом слове, даже в паузах между ними, слышались скорбь и гнев.

— Ты забыла? Если забыла, то почему, глядя, как Цзиньхэ ест, у тебя покраснели глаза? Думаешь, я стара и мои глаза затуманились, и я ничего не вижу? Говорю тебе, я всё прекрасно разглядела!

— Ох... сироты всегда такие, вызывают жалость. Вспомни нас с тобой, разве мы не были такими же?

— Могу!

Рыба-белка, любимое блюдо Линь Ляоляо. Сколько бы раз она её ни ела, каждый раз — как в первый, просто восторг!

— Вкусно?

— Ну что вы, госпожа, столько лет прошло, а вы всё помните. Я уж и забыла давно, — Нянюшка Тао подала чай и взяла платок, чтобы вытереть слёзы Старой госпожи Линь.

Опять её любимое лакомство! У Линь Ляоляо глаза засияли звёздочками.

— Ещё можешь съесть?

После обеда Старая госпожа Линь приказала подать сладкий суп.

— Тогда ешь, ешь побольше, чтобы поправиться.

На самом деле Линь Ляоляо чувствовала себя неловко. Особенно когда Старая госпожа Линь смотрела на неё с такой любовью. Несколько раз она едва не выдала себя, мечтая спрятать

лицо в чашке, лишь бы никто не догадался, что она здесь самозванка.

— Да-да, конечно. Вы моложе меня, ваши глаза, безусловно, зорче, — Нянюшка Тао погладила её по спине и улыбнулась: — Я ведь помню, что вы тогда тоже пытались руки на себя наложить.

— Тогда ешь побольше.

— Суп из белых грибов и семян лотоса...

— Всю жизнь так и не вышла замуж.

— Не вышла и не надо, мне и не хотелось. К тому же, ты ведь знаешь, я...

Старая госпожа Линь внезапно замерла.

— Ты что, до сих пор думаешь о Мэн Линь?

Нянюшка Тао промолчала.

— Эх... хорошо, когда всю жизнь есть о ком вспоминать и по ком тосковать. Это лучше, чем у меня — я-то уже ни на что не надеюсь.

— Старые песни о главном, не стоит и вспоминать, — Нянюшка Тао сменила тему: — Мне кажется, девица Цзиньхэ пошла характером в вас, такая же упрямая и своенравная.

Старая госпожа Линь снова надолго замолчала.

— Эта девочка... я перед ней виновата. И не только перед ней, но и перед её матерью, госпожой Сунь.

Она тяжело вздохнула:

— Чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что нельзя было оставлять те события в прошлом. Нужно было всё тщательно расследовать. Как она могла ни с того ни с сего упасть в реку?

— Это не ваша вина. Вы ведь велели провести дознание, расспросили всех, кого нужно. Особенно того свидетеля, Цзыжэня, который своими глазами видел, как госпожа Сунь упала в воду. Что тут ещё скажешь?

— Но мне всё равно кажется, что что-то здесь не так...

— Прошли годы, мы переехали из Сулия в Цзинду. Даже если что-то и было не так, теперь уж и следов не сыскать.

Цзыжоу, видя, что Линь Ляоляо долго не возвращается, пошла её искать и сразу увидела, как её барышня замерла у двери, прижавшись к косяку.

— Барышня, вы...

— Тсс!

Линь Ляоляо наострила уши, вслушиваясь в разговор внутри.

Цзыжоу остолбенела: как её барышня могла додуматься подслушивать у дверей Старой госпожи?

— Ох, вот оно что...

— Что такое? — прошептала Цзыжоу.

Линь Ляоляо отмахнулась и вдруг спросила:

— Кто такая Мэн Лин?

Цзыжоу никогда не слышала этого имени и покачала головой:

— Не знаю.

— А как ты думаешь, это мужчина или женщина?

— Мэн Лин... — Цзыжоу склонила голову набок. — Наверное, женщина.

Вернувшись в комнату, Линь Ляоляо легла на кушетку. После еды её обычно клонило в сон, но после услышанного всякая дремота исчезла. Взгляд её упал на медное зеркало, и она, вскочив с кушетки, босиком побежала к нему.

Она крутилась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон.

Линь Цзиньхэ была хороша собой, даже очень. Личико размером с ладонь, бездонные глаза, изящный носик. Возможно, оттого, что она была слишком истощена, её губы, которые должны были быть розовыми, казались бледнее обычного. Глаза у Линь Цзиньхэ были угольно-чёрными, и когда она смотрела в одну точку, в них проступала какая-то невыразимая стойкость. Линь Ляоляо подпёрла подбородок рукой — интуиция подсказывала ей, что Линь Цзиньхэ вовсе не такая слабая, какой кажется, а её характер, возможно, твёрже мужского.

Впрочем, это логично. Если бы она не была такой решительной, разве бросилась бы в реку?

— Эх, барышня Линь, ну зачем же ты не подождала ещё немного? Если бы ты продержалась чуть дольше, вернулась бы Старая госпожа, и всё это не досталось бы мне...

Линь Ляоляо придвинулась ближе к зеркалу и откинула прядь волос со лба.

— Ай!

Она нащупала твёрдый прыщик, и стоило пальцу коснуться его, как она вздрогнула от боли.

— Что за напасть?

Линь Ляоляо вскинула брови, и вдруг её взгляд застыл на уголках собственных глаз: ни единой морщинки! Она ущипнула себя за щёчку — бледная, конечно, но какая же мягкая и нежная. Она даже побоялась сжать посильнее, опасаясь, что из неё брызнет вода.

Внезапное озарение:

— Юношеские прыщи! О боже! Да это же сокровище! Я вернулась в юность!

Власть в доме сейчас была в руках второй ветви семьи. Ци Янь ждала этого дня годами, но не ожидала, что всё сложится именно так.

— Скажи... почему эта старуха передала ключи от кладовой именно мне? И Лю Хуэй даже слова против не сказала...

— А кто бы сомневался? В тот день, когда нянюшка Тао принесла ключи, я думала, случилось что-то страшное. Но вы, госпожа, целыми днями в Резиденции Юнься то домашними делами занимаетесь, то следите, как барышни учатся. Даже когда Старая госпожа уезжает в Храм Байюнь, вы не забываете о ней... Такую невестку, как вы, во всём Цзинду с фонарями не сыщешь.

— Ой, перестань, не время сейчас льстить.

Хотя Ци Янь так говорила, внутри ей было очень приятно. Матушка Цзян кивнула, и её лицо собралось в морщинки от улыбки.

— Как думаешь, может, Лю Хуэй в чём-то провинилась?

— Провинилась? В чём она могла провиниться?

— Этого я не знаю. Но матушка Хэ и ещё пять-шесть управляющих из главного дома куда-то подевались. Я слышала от Сяо Янь, что их всех, кажется, продали. Теперь вокруг Лю Хуэй только новые люди, ни одного толкового помощника не осталось.

— Правда?

— И это ещё не всё. Старая госпожа, как только вернулась, сразу забрала старшую барышню из Двора Цзиньлань, и все эти дни они проводят в Зале Нинъань.

— Хм, странно.

— Я думаю, нам нельзя зевать. На первый взгляд кажется, что главный дом процветает, но на самом деле всем заправляет Старая госпожа. Деньги Лю Хуэй могут быть полезны снаружи, но перед Старой госпожой...

— Ха! Да кто она такая?! — презрительно фыркнула Ци Янь. — Всего лишь дочь виноторговца, возомнила о себе, будто все должны перед ней пресмыкаться! Честное слово, когда она подходит близко, меня аж воротит!

— Вот именно! Старая госпожа всё равно благоволит вам, госпожа. У неё знатное происхождение, и у вас тоже. А Лю Хуэй — кто она? Просто шут гороховый!

— И что ты предлагаешь?

— Мы должны быть порасторопнее, чтобы Старая госпожа знала, что вы на её стороне.

Старая госпожа не зря называла её поросёнком. Линь Ляоляо, глядя на всё более роскошные блюда, то и дело икала от сытости и отчаянно тосковала по простой жареной зелени, брокколи на пару и печёному батату.

— Барышня, пришла госпожа Ци, — Цзыжоу, пряча руки в рукава, прибежала к ней, жуя засахаренный кумкват. Линь Ляоляо всегда делилась с ней вкусным, стараясь, чтобы служанка тоже была сыта.

— Госпожа Ци? Жена второго дяди?

Цзыжоу поспешно замахала руками:

— Нельзя называть её женой второго дяди, нужно называть второй тётушкой. Нянюшка Тао велела вам подойти, говорит, она специально пришла на вас посмотреть.

— Специально на меня посмотреть? — Линь Ляоляо приподняла бровь. — Мы что, с ней в таких хороших отношениях?

— Ну...

— Если бы были в хороших, почему она не пришла, когда я бросилась в реку? Сколько дней уже прошло? А теперь прибежала? Не поздновато ли, когда всё уже остыло?

— ... — Цзыжоу моргнула. — Так мы пойдём?

— Пойдём, конечно, чего не пойти? Говорят же, не бьют того, кто улыбается. К тому же, за моей спиной бабушка, чего бояться!

Линь Ляоляо, приподняв подол платья, зашагала к выходу, но, едва переступив порог, резко остановилась.

— Цзыжоу!

Цзыжоу, опустив голову, не заметила этого и, будучи ниже ростом, врезалась в плечо барышни.

— А? Что случилось?

— Старшая и вторая ветви... они что, не ладят?

Цзыжоу сначала опешила, а потом поняла, что барышня имеет в виду Лю Хуэй и Ци Янь.

— Не ладят. Барышня, а вы откуда знаете?

Линь Ляоляо пожала плечами:

— В сериалах всегда так показывают.

<http://bllate.org/book/18628/1793575>